

**КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД К РЕКОНСТРУКЦИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СТЕПНЫХ ИМПЕРИЯХ (НА ПРИМЕРАХ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА
И БАШКОРТОСТАНА В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)**

Имперские образования Великой Евразийской степи – от Тюркского каганата до государств-наследников Золотой Орды – привлекают большое внимание разных поколений исследователей, поскольку они оказали значительное влияние на историю своих и последующих эпох. При том источниковая база по истории этих государств и народов довольно ограниченная из-за того, что представители самих степных империй или оставили крайне мало письменных источников, или вовсе их не оставили.

Наиболее интересным с этой точки зрения представляется Хазарский каганат в период своего расцвета во второй половине VIII в. – первой половине X в., когда вследствие Второй арабо-хазарской войны центр каганата переместился из Приморского Дагестана в Нижнее Поволжье, и основным источником процветания Хазарии стал контроль над международными торговыми путями. При всем влиянии каганата на раннесредневековую историю Восточной Европы, на формирование Киевской Руси и Волжской Булгарии, хазары не оставили «собственных» письменных источников, а современники из других стран зафиксировали лишь несколько сюжетов из политической и религиозной жизни каганата. К тому же и для археологических исследований хазары, в отличие от подчинявшихся каганату этнических общностей, оказываются практически «неуловимыми» из-за повышения уровня Каспийского моря со средневековых времен. Подобных сюжетов, исследования которых основываются на крайне ограниченной источниковой базе, немало в истории других степных империй и их частей. К таким сюжетам относится история Башкортостана в составе Золотой Орды.

Предлагаемый нами контекстный подход определяем не как научную концепцию, а как исследовательскую установку на реконструкцию контекста существования тех или иных государственных образований и этнических сообществ в тех случаях, когда нерепрезентативная источниковая база не дает возможность представить «текст истории» – исторические события и политическую жизнь на исследуемой территории в избранный период. Контекстный подход позволяет представить степные империи как некую «рамку», в которой происходят межэтнические и/или межкультурные взаимодействия с относительно стабильным числом их участников – этнических групп с определенным политическим статусом. Исходной точкой для нашей реконструкции «контекста» станет историография дискуссионных вопросов и проблемных тем в истории степных империй, поскольку в полемике и поисках ученых наиболее явно обнаруживаются основные элементы «контекста» – взаимодействующие между собой этнические группы и культурные тенденции.

Первым и главным примером применения контекстного подхода в настоящей работе станет история Хазарского каганата в период его расцвета – во второй половине VIII – первой половине X вв., а также ближайшие десятилетия после разгрома Хазарии киевским князем Святославом Рюриковичем. Базой для выстраивания «контекста» станет рефлексия над историографией, а именно – над работами, посвященными наиболее «загадочному» источнику по раннесредневековой истории Восточной Европы – «Киевскому письму». Напомним, что «Киевское письмо» – это письмо общины купцов-евреев/иудеев Киева с просьбой к различным еврейским общинам пожертвовать деньги на выкуп захваченного разбойниками Якова бен Хануки. Письмо написано на иврите, содержит имена купцов, которые происходят из различных языковых семей, и руническую надпись на непонятном языке (возможно, хазарском, возможно, аланском). Письмо датируется X в., что является довольно широким временным промежутком в виду переломного значения этого периода для Хазарского каганата: в начале X в. Хазария была могущественной евразийской империей, а в конце X в. уже сходила с исторической арены.

Отправной точкой для нашего исследования стала статья израильского историка Абрама Торпусмана «Вокруг “Киевского письма”», в которой подводятся итоги исследований документа, по состоянию на конец 2010-х гг., и резюмируются взгляды ученых [См.: Торпусман, 2019]. Однако к некоторым рассмотренным автором работам мы будем обращаться и непосредственно для более полного изложения аргументации его предшественников и оппонентов, а именно – к концептуальным публикациям Нормана Голба и Омельяна Прицака, Александра Тортики и Константина Цукермана. Отметим также, что одновременно со статьей А. Торпусмана увидела свет монография украинского историка Олега Бубенка по хазарской истории, в которой некоторое внимание уделено «Киевскому письму», но историографический обзор не имеет исчерпывающего характера [Бубенок, 2019. С. 155–160].

Мы исходим из того, что в условиях невысокого информационного потенциала источниковой базы по хазарской истории концепции исследователей в той или иной мере являются реконструкциями, в которых «целостная картина» исторической ситуации формируется исходя из двух типов информации: 1) результата анализа источников (письменных, лингвистических, археологических), который может оказаться и ошибочным, и вероятностным; 2) предположений о взаимосвязях между фактами, событиями и процессами, которые логичны, но носят вероятностный характер, поскольку не могут вытекать из источников. Вначале проанализируем точки зрения исследователей, обобщенные А. Торпусманом:

I. Взгляды Нормана Голба и Омельяна Прицака. Они работали над интерпретацией «Киевского письма» совместно, но не как соавторы какого-либо единого текста. Они восприняли имена купцов-подписантов «Киевского письма» как тюркские, а следовательно – считали их хазарами-иудеями. Руническую надпись О. Прицак трактовал как выражение «Я прочел (это)» на хазаро-булгарском (А. Торпусман неточно пишет: «гунно-болгарском») языке, и считал, что надпись оставил хазарский чиновник, знавший иврит, на котором написан сам документ

[См.: Торпусман, 2019. С. 119–121]. Проведенный Н. Голбом анализ имен подписантов и изысканного стиля письма привел его к выводу о размахе иудаизации хазар, не ограничивающейся элитой каганата, как обычно утверждается в историографии [Голб, Прицак, 2003. С. 40–49]. О. Прицак же, в том числе обращаясь к тексту «Киевского письма», счел Киев хазарским форпостом, а полян – первоначально не славянской общностью, которая была связана с хазарами, сформировалась на левом берегу Днепра и основала город Киев, захватив его территорию у славянского племени древлян [Голб, Прицак, 2003. С. 68–70].

«Панхазарские» – как можно было бы их назвать – взгляды Н. Голба и О. Прицака подверглись со стороны коллег критике, которую мы обрисовываем ниже. А для понимания того, что авторы были настроены исключительно на поиск хазарских и иудейско-хазарских интерпретаций, достаточно обратиться к славянским параллелям: существовали поляне с городом Киевом на среднем Днепре и существовали поляне и соседствующие с ними кувявы на средней Висле. Можно предположить, что «первоначальные» сообщества полян и кувявов в результате Великого переселения народов оказались и на Висле, и на Днепре: на Висле образовали два соседствующих племени, а на Днепре – племя полян, в составе которого был род Кия, упомянутый в легенде о князе Кие из «Повести временных лет». Впрочем, как бы не были связаны поляне и Киев на Днепре и поляне и кувявы на Висле, эти этнонимы и топоним «Киев», вероятнее всего, являются славянскими. Следовательно, нам представляется излишним искать тюркские корни племени полян и восточно-иранское (из хорезмского языка) происхождение топонима Киев, как это сделал О. Прицак.

Аргументацию Н. Голба и О. Прицака условно разделим на две составляющих: уровень анализа источника – «Киевского письма» и уровень реконструируемых взаимосвязей. Предположим, что проведенный ими анализ «Киевского письма» не подвергся критике коллег и может послужить основой для реконструкций. Так, выше говорилось о том, что Н. Голб сделал вывод о широкой иудаизации хазар. Однако даже если установленные факты обоснованы (сейчас выносим «за скобки» их критику другими следователями), то из них можно сделать и не настолько далеко идущие выводы. Так, можно было бы сделать вывод об иудаизации именно хазарских купцов – фигурантов «Киевского письма», которые не могли не контактировать с еврейскими купцами Восточной Европы. Также можно было бы усомниться в обоснованности отнесения О. Прицаком полян и Киева к хазарской истории, сделанного на основании прочтения сообщений «Повести временных лет», в которых поляне соседствуют – в различных эпизодах, – то с древлянами, то с вятичами и северянами, и упоминания ал-Масуди начальника хорезмийского гвардии хазарского кагана Ахмада ибн Куйи [Голб, Прицак, 2003. С. 68–77]. Даже если бы полян можно было бы выводить с левого берега Днепра, – приняв аргумент ученого, что их топоним происходит от слова «поле», а полей нет на крутом и лесистом правом берегу Днепра, – то, все равно, представляется излишним связывать полян с хазарами, а Киев – с Ибн Куйей, о связи которого с Киевом источники умалчивают.

В своем обзоре А. Торпусман не указал на важный момент – «нарративный контекст» построений Н. Голба и О. Прицака. Для них «Киевское письмо» стало одной из составляющих небольшого массива «еврейско-хазарских» документов в составе письма Хасдая ибн Шапрута к хазарскому правителю Иосифу, ответного письма Иосифа и ответного Ибн Шапруту от анонимного хазарского еврея. Как раз последнему документу, называемому по первооткрывателю «письмом Шехтера», посвящена вторая часть книги Н. Голба и О. Прицака «Еврейско-хазарские документы X века» [См.: Голб, Прицак, 2003. С. 102–188]. Мы не будем останавливаться на анализе «письма Шехтера», ограничившись общим замечанием, что авторам был чужд скептицизм по отношению к «еврейско-хазарским» документам, и они принимали содержащийся в трех вышеперечисленных письмах нарратив могущественной иудаизированной степной империи – Хазарского каганата.

Подводя предварительные итоги анализа аргументов Н. Голба и О. Прицака, усматриваем недостаток их построений именно в игнорировании контекста и попытки связать практические все факты, полученные в ходе изучения источников и имевшие место в одну эпоху, в один единый «текст» – исторический нарратив, который реконструировался на основе анализа «еврейско-хазарских» документов, как единого и достоверного массива информации. В целом, внимание исследователей было направлено на поиск хазарских и еврейских «следов» в истории Киева и не только, что привело к минимизации славянского фактора. Ниже мы вернемся к вопросу о реконструкции контекста.

2. Аргументация Абрама Торпусмана и Владимира Орла. Как указано в статье А. Торпусмана, одна из линий критики Н. Голба и О. Прицака заключалась в проверке этимологии имен фигурантов «Киевского письма». А. Торпусман и В. Орёл посчитали, что некоторые имена – не тюркские, а славянские: в частности, Гостята (по А. Торпусману) и Сирота (согласно В. Орлу), а также, возможно, некоторые другие имена [Торпусман, 2019. С. 122].

Интересно, что с этой точки зрения среди подписантов оказался купец по имени Гостята бар Кабар Коэн, то есть киевлянин со славянским именем, тюркским «отчеством» и еврейской «фамилией», а точнее – родовым именем, указывающим на происхождение – реальное или воображаемое – от рода Ааронидов-Коэнов, служивших в Первом и Втором Храмах. Предположение Н. Голба о том, что коэны в «Киевском письме» – это иудаизированные потомки жрецов бога Тенгри, которые сочли свои жреческие обязанности аналогичными тем, которые в Иерусалимском храме исполняли коэны, представляется нам экзотическим [Голб, Прицак, 2003. С. 44–46]. В то же время в истории евреев перенимание имен у народов-соседей не является чем-либо исключительным. Гостята бар Кабар Коэн должен был родиться в славянской среде (возможно, и в Киеве), что отразилось в его славянском имени. А его отец должен был происходить из тюркской – вероятно, хазарской – среды, что и определило тюркское «отчество» одного из подписантов «Киевского письма». Добавим, что А. Торпусман предложил иное прочтение имени этого купца: Гостята бар Кий бар Коэн [Торпусман, 2019. С. 126]. В таком случае, мы имеем дело со славянизированным евреем, дед которого – как минимум – тоже социализировался в

славяноязычной среде. Однако нам неизвестно о поддержке этой точки зрения другими учеными.

3. Позиция Александра Тортика. Археолог А. Тортика обратил внимание на то, что Яков бен Ханука был захвачен в плен разбойниками и киевские евреи/хазары-иудеи искали помощи у единоверцев из разных стран, в частности, в Египте. Следовательно, документ не мог появиться в период расцвета Хазарии [Торпусман, 2019. С. 124; см. подробнее: Тортика, 2006. С. 178–180]. Вероятно, это письмо – текст периода упадка Хазарии или даже ее «постистории», когда каганат пал, а его прежние подданные оказались беззащитными.

4. Позиция Константина Цукермана и замечание Абрама Торпусмана. Критика историком-медиевистом К. Цукерманом аргументов Н. Голба и О. Прицака не ограничилась отдельными деталями, а привела к построению новой концепции. Согласно К. Цукерману, монета «закук», упомянутая в «Киевском письме», никак не могла быть византийским золотым «триенсом», как считал Н. Голб. Также не могла быть и славянской серебряной «гривной», в виду малой стоимости последней. В то же время в раввинистической литературе того времени, созданной в землях Германии, «закуком» называли германскую «марку», которая имела достаточно высокое содержание серебра. Следовательно, купцы-подписанты просили у единоверцев довольно значительную сумму, и написали письмо в период 961–962 гг., когда княгиня Ольга устанавливала дипломатические отношения с германской ветвью династии Каролингов и в Киев прибыло посольство епископа Адальберта [Торпусман, 2019. С. 134–136; см. подробнее: Zuckerman, 2011. С. 19–25].

А. Торпусман полагает, что использование в «Киевском письме» еврейского наименования немецкой «марки» указывает лишь на то, что сам составитель письма Аврахам ha-Парнас был выходцем из Германии, ставшим духовным лидером общины киевских евреев/иудеев, а потому рассчитывал на помощь влиятельных еврейских общин с берегов Рейна [Торпусман, 2019. С. 148].

5. Аргументация Олега Мудрака и полемика с ней Абрама Торпусмана. Лингвист О. Мудрак считает, что рунические надписи хазарского периода, открытые археологами, были сделаны на аланском языке – близком к дигорскому (исторически более архаичному) диалекту современного осетинского языка. Отсюда ученый рассматривает имена фигурантов как аланские, в том числе те, которые другие ученые толкуют как славянские: Гостиата и Сирота. Излагая аргументы О. Мудрака, А. Торпусман сразу же полемизирует с ним, отстаивая славянский характер имени Гостиата и соглашаясь с немецким тюркологом Марселем Эрдалем, что имя Сирота – не славянское (и не аланское), а древнескандинавское – Сварта – «черный» [Торпусман, 2019. С. 140–143].

Кроме того, О. Мудрак прочел руническую надпись, как аланскую фразу: «Следует разрешить». А. Торпусман резонно указывает на то, что это толкование – калька с версии О. Прицака, и предположил, что прочтенная Мудраком фраза «Ауэредженег» является аланским именем одного из фигурантов, которое переводится как «Будет ниспослано (ему)». Тем самым, это аланское имя построено, как ветхозаветные еврейские имена, а потому могло быть именем купца-еврея/иудея [Торпусман, 2019. С. 143–146].

Подведем итоги дискуссии: «Киевское письмо», скорее всего, было создано в период упадка или «постистории» Хазарского каганата, когда он либо утратил свою лидерскую роль в Восточной Европе, либо распался, что определило бедственное положение общины киевских евреев/иудеев. Фигурантами письма купцов были либо только евреи, либо и евреи, и прозелиты, то есть неевреи, принявшие иудаизм, или их потомки. Вариант только прозелитов представляется необоснованным из-за наличия «фамилии» Коэн у одного из подписантов. При этом отсутствуют убедительные доказательства того, что Киев когда-либо был хазарским городом. Проще говоря, Киев мог как быть, так и не быть северо-западным форпостом Хазарии. Определенно можно сказать только об относительно длительном существовании в Киеве еврейской общины, что отразилось в наличии в X в. еврейского названия города – Самбатсион (в передаче на греческом языке «Самватас») [Константин Багрянородный, 1991. С. 45]. Перейдем от «текста» к «контексту». «Киевское письмо» как нельзя более полно позволяет реконструировать контекст межэтнического взаимодействия в Хазарском каганате в период его расцвета и сохранявшегося, вероятно, еще несколько десятилетий после разгрома каганата Святославом. В письме определенно фигурируют евреи. При этом даже если среди фигурантов письма не было прозелитов, а только евреи, то они и их отцы, как указывают имена и «отчества», социализировались в славянской и хазарской, а возможно также аланской среде. Само соседство евреев, хазар, славян и алан могло возникнуть только в Хазарском каганате периода его расцвета. Как видим, «Киевское письмо» оказалось вполне репрезентативным источником для реконструкции контекста этнической истории Хазарии, но не репрезентативным для конкретных выводов, наподобие выдвинутых Н. Голбом и О. Прицаком.

Итак, славяно-хазаро-еврейское (или славяно-хазаро-алано-еврейское) взаимодействие в городской, купеческой среде являлось продуктом хазарского времени. Конечно, в сельской местности, где могли соседствовать хазары, аланы, болгары и угры (протовенгры), такого тесного взаимодействия могло и не быть. Реконструированный контекст позволяет отказаться от вероятностных построений, выходящих за рамки анализа источников, а потому необоснованных и оспариваемых другими исследователями, и сосредоточиться на очерчивании «рамки» этнической истории Восточной Европы в раннем средневековье.

Следующим – «контрольным» примером применения «контекстного подхода» к истории степных империй станет проблема Башкортостана в составе Золотой Орды. Отправная точка для наших рассуждений – недавняя монография Владимира Иванова и Валерия Злыгостева «Башкирский юрт Золотой Орды», без преувеличения ставшая «историографическим событием» последних лет. Авторы работали с имеющимся небольшим спектром источников по истории Башкортостана золотоордынской эпохи. Собственно, на протяжении большей части своей книги они пытаются извлечь максимальную информацию из них, а также применить к истории Башкортостана наличные в историографии довольно подробные сведения о государствах Чингизидов и Золотой Орде.

Проанализированные В. Ивановым и В. Злыгостевым источники предлагаем разделить на три типа, исходя из их тематики, и резюмировать их информационный потенциал:

I. Известия иностранных авторов о монголах и Золотой Орде, в которых упоминаются башкиры. Среди них – Рашид ад-Дин, Закарий ал-Казвини, Ибн Саид ал-Магриби, Ибн Баттута, Плано Карпини. Все эти авторы упоминают башкир как тюркский народ под властью потомков Чингисхана [Иванов, Злыгостев, 2021. С. 173–181]. Сведения иностранных авторов носят краткий, этнографический характер.

II. Башкирские родословные (шежере). Авторы стремятся найти как реальные, так и символические основания сведений нескольких родословий о получении родоплеменными подразделениями башкирского народа вотчинных земель от самого Чингисхана. Так, башкирские племена Ирякте и Табын, пастбища которых находились на берегах рек Тобол и Иртыш в Западной Сибири, могли принять монгольское подданство в результате похода Джучи против «лесных народов» в 1217–1218 гг. или других походов, предшествовавших Западному походу в Восточную и Центральную Европу в 1236–1242 гг. [Иванов, Злыгостев, 2021. С. 37]. Однако, как справедливо отмечают авторы, в большинстве случаев в шежере отразилось превращение Чингисхана в культовую фигуру, от которой принято было вести отсчет исторического времени, в том числе и оформления вотчинных прав башкир [Иванов, Злыгостев, 2021. С. 55–57].

Добавим, что интересно было бы обратиться не только к башкирским родословным, но и к иной разновидности башкирского фольклора – историческому эпосу, в котором нашло отражение и покорение башкир монголами – в предании «Бурзяне во времена ханов», и участие башкир в междоусобицах в Золотой Орде, ставших событийной основой эпоса (кубаира) «Идукай и Мурадым», центральный отрицательный персонаж которого – хан Тохтамыш [Галин, 2004. С. 231–260].

III. Средневековые мавзолеи золотоордынского времени, как материальные источники. В первую очередь, идет речь о мавзолеях (кэшэнэ) Турахана и Хусейн-бека XIV в., расположенных под поселком Чишмы, в окрестностях Уфы. Фигура Хусейн-бека, как мусульманского кадия – судьи, указывает на широкое распространение в Башкортостане золотоордынского времени ислама, как официальной религии и свидетельства влияния центральной власти, поддерживавшей ислам. Вообще, район поселка Чишмы, как вслед за археологом Г. Н. Гарустовичем полагают авторы, мог быть центром Башкирского улуса Золотой Орды [Гарустович, Нечвалода, 2020. С. 336–339; Иванов, Злыгостев, 2021. С. 121–125, 140–143]. Сама же архитектура средневековых мавзолеев – каменных под Чишмами и кирпичных в Приуралье – свидетельствует о том, что западная часть исторического Башкортостана находилась под культурным влиянием болгарского локального центра Золотой Орды, а восточная – среднеазиатского [Гарустович, Нечвалода, 2020. С. 159–160, 189–190].

Итак, исторические источники, подробно рассмотренные в исследовании В. Иванова и В. Злыгостева, не дают представления ни о событиях военно-политической истории (кроме покорения башкир в ходе походов Джучи и Батыя),

ни об особенностях управления Башкирским юртом, поскольку эти земли не находились под непосредственным правлением какого-либо хана из многочисленных потомков Джучи, ни о налогах и военных повинностях башкир в золотоордынский период.

Перед тем, как перейти к «ответам» источников, необходимо ввести еще два «массива данных» из историографии – о тюркизации угров и кипчакизации башкир. В предыдущей монографии В. Иванова и В. Злыгостева «Это были башкиры...» была поддержана концепция востоковеда Андрея Ковалевского о башкиро-угорском синтезе, согласно которой, башкирский этнос сформировался из башкирской знати и покоренных ею угорских скотоводов. Именно последних встретил монах Юлиан Венгерский в своем путешествии в 1230–1231 гг. [Ковалевский, 2016. С. 36–38, 59–64; Иванов, Злыгостев, 2017. С. 48–49]. Следовательно, возникает вопрос о примерном времени тюркизации угров башкирами. По нашему мнению, ответ на этот вопрос связан с кипчакизацией башкир, охарактеризованной Раилем Кузеевым и рассмотренной также В. Ивановым и В. Злыгостевым в монографии «Башкирский юрт Золотой Орды». Некоторые половецкие рода, спасаясь от монгольского завоевания, мигрировали в Урало-Поволжье, кипчакизовав болгар и башкир [Кузеев, 2016а. С. 93–98; Кузеев, 2016б. С. 72–74; также: Иванов, Злыгостев, 2021. С. 193–198]. Вследствие этого, башкиры перешли с языка огузско-печенежского типа на язык кипчацко-половецкого типа, к которому и относится современный башкирский язык. Отметим парадокс: кипчаки бежали в Башкортостан от монголов, но кипчакизация Урало-Поволжья неминуемо сблизила его с «центральными» районами Золотой Орды, в которых также возобладал кипчацкий язык. Вероятно, следствием кипчакизации был и переход угров Башкортостана на башкирский язык кипчацко-половецкого типа. По крайней мере, источники следующего исторического периода – вхождения исторического Башкортостана в состав Российского государства – умалчивают о наличии мадьяроязычных жителей башкирских земель.

Подведем итоги реконструкции контекста в истории Башкортостана золотоордынской эпохи. Башкиры были покорены монголами (в основном, в ходе Западного похода), стали подданными империи Чингизидов и Золотой Орды, вошли в культурное пространство монгольских государств, маркером чего стало прославление Чингисхана, как творца правовых норм и обычаев, подверглись языковой кипчакизации и широкой исламизации, участвовали в междоусобицах наследников Джучи (конечно, подробности этого участия нам неизвестны), а также оказались под культурным влиянием различных центров Золотой Орды – Булгарии и Западного Туркестана. Иными словами, Башкортостан стал частью культурно-политического пространства Золотой Орды и отдельных культурных «зон» в ее составе.

Таким образом, «контекстный подход», введенный нами на примере анализа межэтнического взаимодействия в Хазарском каганате на основании «Киевского письма» и примененный также при рассмотрении источниковой информации о Башкортостане в составе Золотой Орды, представляет собой направление работы с исторической информацией в тех случаях, когда источники являются малоинформативными, предоставляют некоторые общие и этнографические

сведения о странах и народах. Ведь, как говорилось выше, история степных империй редко описывалась представителями образованных элит самих империй, а потому исследователям остается реконструировать «рамки» межэтнических и межкультурных взаимодействий, опираясь на «блоки» исторической информации, полученной в результате анализа отдельных источников или групп источников и кристаллизованной в исторических исследованиях и историографических дискуссиях. Реконструкция «контекстов» позволила нам выявить межэтнические взаимодействия среди городского населения Хазарского каганата, которое продолжалось и после утраты каганатом регионального лидерства, и влияние на средневековый Башкортостан культурных процессов, происходивших в Золотой Орде. Результаты применения «контекстного подхода» могут быть использованы при написании синтетических исследований по истории степных империй, отдельных стран и народов, входивших в их состав в те или иные исторические периоды.

Источники и литература:

1. Бубенок О. Б. Хозари в історії Східної Європи. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю.Кримського НАН України, 2019. 316 с.
2. Галин С. А. Башкирский народный эпос. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2004. 320 с.
3. Гарустович Г. Н., Нечвалода А. И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.
4. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. Изд. 2-е. Москва: Мосты культуры, 2003. 240 с.
5. Иванов В. А., Злыгостев В. А. Башкирский юрт Золотой Орды (1236–1437). Уфа: Китап, 2021. 272 с.
6. Иванов В. А., Злыгостев В. А. Это были башкиры... Уфа: Китап, 2017. 128 с.
7. Ковалевский А. П. Башкиры в X веке по данным Ибн Фадлана // Хазарский альманах. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Т. 13. С. 35–64.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
9. Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю // Кузеев Р. Г. Собрание научных трудов: В 7-ми томах. Уфа: Китап, 2016. Т. 6. 444 с.
10. Кузеев Р. Г. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в. // Кузеев Р. Г. Собрание научных трудов: В 7-ми томах. Т. 5. Уфа, 2016. С. 40–87.
11. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков: ХГАК, 2006. 553 с.
12. Торпусман А. Вокруг «Киевского письма». К 35-летию опубликования документа. Полемиические заметки // Хазарский альманах. М.: Индрик, 2019. Т. 16. С. 117–152.
13. Zuckerman S. On the Kievan Letter from the Geniza of Cairo // Ruthenica. Київ: Інститут історії України, 2011. Вип. 10. С. 7–56.